

СВЕТЛЯЧОК

20.04.2012

№5 (13) Апрель 2012 года

• Короткой строкой МНОГО, МНОГО ПТИЧЕК

Много, много птичек запекли в пирог,

Семьдесят синичек, сорок семь сорок.

Кто не помнит этот детский стишок? В центральной библиотеке Андреаполя синичек, конечно, в пирог не запекали. Но в Международный день птиц весёлое птичье пение разносилось здесь по всем кабинетам и коридорам: диск с записью птичьих голосов включили на целый день. И вот чудо – после полудня птичек под библиотечными окнами собралось, действительно, много-много. Синички буквально облепили все деревца и кустарники, весело чирикают. Некоторое их количество порхает здесь постоянно возле кормушки на библиотечном крыльце, но сразу столько появилось впервые. Неужели птичек приманили голоса собратьев, беззаботно поющих в записи, и

они решили, что здесь-то и есть тот самый птичий рай, к которому нужно стремиться? Тем более, что метель в этот час разыгралась совсем не апрельская.

ИМЯ НА КАРТЕ

Представьте, открываете вы сайт Андреапольской библиотеки, а там - литературная карта района. Курсорчиком на любой населённый пункт - а перед вами сразу фамилии авторов стихов и прозы, там проживающих. Нажимаете на фамилию автора – и нате вам, получите – список произведений каждого, кликните на названии произведения – перед вами открылся текст, читайте на здоровье.

Это не фантазии автора. Такая карта действительно скоро будет, готовит её к выходу Елена Афанасьева – заведующая информационно-библиографическим отделом, администратор этого сайта и технический редактор «Светлячка». Труд кропотливый, требует глубоких знаний не только хорошего пользователя, но и программиста, которыми Елена, несомненно, обладает. Так что – ждите.

• Обратная связь

Уважаемая Наталья
Викторовна!

До сих пор вспоминаем встречу в вашей библиотеке и тёплый приём, оказанный нам. Особый привет и нашу благодарность – главному андреапольскому «светлячку» - Маргарите Алексеевне Петровой за её заботу и поддержку юных поэтов. Ваш «Светлячок» с каждым номером светит всё ярче, становится заметным явлением в культурной жизни района. Для нас большая честь сотрудничать с ним.

В следующем году надеемся на новую встречу и с вашими читателями, когда, как мы предполагаем, выйдет в свет второе издание нашей книги «Загадка Янтарной реки». Если вы не против, тогда можно было бы обсудить её в вашей библиотеке. А пока прилагаем к письму новое стихотворение Димы из этой книги. Может быть, оно вас заинтересует.

Алексей Попов
Сергей Попов
Дмитрий Попов
г. Москва

Письмо Поповых нас порадовало. Эта семья принимает участие в нашей задумке с первых номеров существования газеты. Вы читали на наших страницах стихи Димы Попова, наблюдали за презентацией книги А. С. Попова «Дорога к истоку». Мы очень ценим их сотрудничество с нами. Хочется, чтобы им последовали и другие.

С этого номера мы планируем начать регулярную рубрику «Обратная связь», где будем публиковать ваши отклики на наши публикации. Ждём ваших писем с отзывами, добрыми советами и предложениями.

• Размышления о прочитанном

Разбежаться и взлететь

Перевернута последняя страница. Людмила Улицкая, «Зелёный шатёр». Что же это такое? Психологическая проза? Роман о любви – к музыке, литературе, родному городу, женщине и мужчине? Или исследование непростого периода 60-х? Не мне обосновывать, это – дело литературоведов и литературных критиков, они и скажут своё слово. А я прошла с главными героями (утончённым музыкантом, происходящим из дворянского рода Трубецких Саней Стекловым, Ильёй Брянским – диссидентом, сыном образованной и нищей матери-одиночки, Михой Меламидом – поэтом, еврейским сиротой, воспитываемым тёткой) их дорогами, от детских лет до взросления и даже последних часов двух из друзей.

Эти трое мальчишек с первого класса были изгоями в школе, «в той иерархии, которая выстраивается самопроизвольно в каждой стае, все трое занимали самые низкие позиции – благодаря полнейшей непригодности ни к драке, ни к жестокости». Уважение читателя с первых страниц именно на стороне этих слабаков. Они верны дружбе и готовы прийти на помощь. Так, малорослый Саня, которому бабушка, как будущему музыканту, пуще всего наказывала беречь руки, хватается, защищая Илью, голой рукой за лезвие ножа школьного верзилы-хулигана Мурыгина. Впрочем, в старших классах друзья оказываются ведущей интеллектуальной силой, надеждой школы.

Детство – период разбега перед прыжком, перед взлётом. Удастся ли взлететь талантливым, подающим надежды мальчишкам? По-разному складываются их судьбы. Каждый переживает и свою самую большую любовь, и самое большое разочарование, и свою беду. Роковая дорога выпадает Михе. Не разделяя диссидентских взглядов Ильи, он оказывается соучастником его подпольных издательских дел. Будучи простодушным и доверчивым, он первым и попадает. Дальше, как снежный ком – отчисление из аспирантуры, арест, недолгие месяцы на свободе, самоубийство. Когда кажется, что выхода другого нет, он вспрыгивает на подоконник, чтобы взлететь в небытие. На столике остаётся записка со стихами:

Когда-нибудь при яркой вспышке дня
Грядущее моё осветит кредо:
Я в человеках тож, я вас не предал
Ничем. Друзья, молитесь за меня.

Ищут свои дороги и Илья с Саней. Оба оказываются за границей. Счастливы ли они? На мой взгляд, истинно счастливыми в романе выглядят только несколько изнурённых тяжёлой работой и натужной деревенской жизнью старух, у которых «на троих два зуба», из главы «Беглец». Скрывающемуся от властей художнику-диссиденту удаётся подсмотреть их «банный день» перед Покровом. Они моются, собравшись в одной избе, в обычной русской печи. Поражённый увиденным, художник пишет прямо на обрезках обоев серию картин, на которых «голые старухи, их мослы, кожаные мешки и мешочки, складки, морщины. Только никакого «Ада» - они улыбались, смеялись, хохотали. Им было хорошо – от горячей воды, от долгожданного мытья». Картины Илья переправляет за границу. В конце 76-го года сделали выставку в Кельне под названием «Русская обнажённая натура». Она имела успех, поражая иностранцев: «Старухи, голые ужасные старухи веселились. Им было хорошо».

Улицкая не судит своих героев, не делит их на нравственных и безнравственных, не даёт открытых оценок событиям. Она просто повествует, предоставив право читателю самому осмыслить происходящее.

Маргарита Петрова

• Приветствуем весну

ГРАЧ

Грач, прилетевший под апрель,
Ходил так важно.
Крылом на серого кота
Махал отважно.
И подбирал, что на земле
От кур осталось.
И в редком карканье его
Сквозила радость.
Он сознавал, что нам принес
С собой на крыльях:
Была весна на ста замках,
А он открыл их.

В. Баринов

* * *

Как звучно бьёт блескучая капель,
Она весны отстукивает ритмы.
Сбивает с такта сумасброд апрель,
Не признающий жизнь по алгоритму.

Хмельные ветры тянут за порог,
Уйти под их врачующее пенье
По самой неизвестной из дорог,
В иное уводящей измеренье.

А ты лежишь, небритый и смурной,
Рукою вялой сигареты тушишь.
Такой звенящей радостной весной,
Как ангелы, взмывают в выси души.

М. Петрова

ЛЕДОХОД

Горбится лёд и осколками рваными
С шумом и треском ползёт.
На берега он крадётся пустынные
Этот чужак ледоход.

Дышит, шипит и так странно ругается,
Злобствует старец седой.
Но под лучами весенними тёплыми
Станет он просто водой.

Тучной водой он отправится в плаванье,
Влагой питая поля.
Ждут его пашни и светлые гавани,
И голубые моря.

Н. Шабанова

ТУМАН

Туман жрёт снег.
Жрёт жадно, неопратно,
он хлопает и чавкает, злодей,
и вот уж проступают среди полей
сырой земли обглоданные пятна.
И банной влагой наполняя грудь,
как бы по дну молочного сосуда,
бреду я, в никуда из ниоткуда
пунктиром чёрным пролагая путь,
придерживаясь слепо – на авось –
одним чутьём, не доверяя зренью,
условного во многом направленья
вдоль прошлогодних пахотных борозд.
С энергией излётного пыжа,
что намечтал себе в патроне странствий,
плетусь по засерённому пространству,
сырой сернистой серостью дыша.
И только чавк над полем, только хлоп.
Туман взалкал тотального обеда,
он и меня уже не прочь отведать,
затягивая серую петлю.
Туман жрёт снег

и всех,

и смех,

и стих

и вынуждает, грязь мяса и мерзость,
шагать туда, где торжествует серость
и серый флаг безропотно нести.
Он обряжает каждый выдох мглой,
он оседает влажно на одеждах,
и – миражами – зыбкие надежды,
отяжелевши, тают за спиной,
и спёртый воздух сер и недвижим.
Я – корм тумана,
мышка в серой миске,
я сир и сер,
и серы мои мысли,
и путь мой сер –
ни горки, ни межи...

Как долго б длился этот мутный кросс?
Непрост вопрос да разрешился просто.
Лишь стоило свернуть под девяносто
и поперёк,

и поперёк борозд...

В. Юринов

НА КОНКУРС «ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...»

Её величество Жизнь

Что вспоминается на закате лет? С чем сравнить былые годы? Разве лишь с осенью. Пёстрый калейдоскоп её красок, смена тёплых дней на дождливые и ветреные - как перемены настроения и суровые будни повседневной жизни. Но нет, не жаль, что так всё стремительно пронеслось, поэтому так приятно думать о приобретённом: дети, внуки, друзья, родственники, общения с которыми поглощают целиком, не оставляя никакого шанса на пессимизм. Хотя, лукавлю. А как приятно вспомнить былое, погрузиться о несбывшемся. Благодарю Бога, что дал столько шансов, но как часто мы так и не умеем воспользоваться ими. Брезжит рассвет. Лёгкой дымкой поднимается туман над Волгой – величавой, гордой, пережившей столько лет и судеб, чем заслужила уважение и восторг от созерцания её. Маленький подлесок над нею оглашается трелями соловьёв, которые не смолкают до утра, будоража и волнуя души до щемящего восторга. Им вторят кукушки, желая напомнить о своём присутствии. Капельки росы серебрятся на полевых цветах под первыми лучами солнца. Скоро будут жужжать, шуметь над ними бабочки, жуки и пчёлки. Пауки, раскинув свои ажурные сети, сидят неподвижно, ожидая добычи. Наступит полдень, томно будет парить солнце.

Кажется, пёстрые крылья бабочек и цветы, на которых они сидят, поблёлкли от жары. Только звонкие голоса детей, купающихся в реке, выводят из дрёмы этого зноя. Пахнет скошенной травой. Как чудесны полевые цветы, каждый из которых пахнет Родиной. И всё поле монотонно жужжит от копошащихся в них насекомых. Гармония природы околдовывает. Замирает сердце от созерцания этого великолепия. Хочется слиться воедино и замереть. Тихо, чуть дыша лежать на траве и слушать эту какофонию природы в ожидании заката солнца. А вместе с ним начинается новое чудо. Огромный красный шар опускается за рекой, завораживает, наполняет негой.

Ночная прохлада окутывает сад, пронизывает таинственностью. Волшебство! И, уже сидя в беседке, созерцаешь, как почти на глазах распускаются ночные цветы, несёт ветер нежный аромат душистого табака, маттиолы. Нахлынут воспоминания из детства. Как недавно это было, как давно всё это прошло. На закат можно любоваться долго, предаваться мечтам, заранее зная об их несбыточности, но тем и приятнее этот обман, тем сладостнее эти минуты. Последний огненный всплеск солнца скрылся за горизонтом, на смену пришла луна, спокойная и величавая. Раскинула серебро звёзд и побежала дорожка волн по воде. Кое-где всплеснёт хвостом рыба, слышны взмахи крыльев ночной птицы, и всё стихнет. Лишь кузнечики и цикады будут неустанно стрекотать в траве. Как чуден летний вечер. Не хочется расставаться с ним, а хочется продлить удовольствие, то блаженство созерцания уходящего дня, благодарить Бога о прошедшем и просить милости в будущем. Да, лето я люблю без остатка, несмотря на хлопотные будни, и тем приятнее эти минуты общения с природой. Каждый миг, каждый вдох. Её величество Жизнь.

Маленький лесок над Волгой осенью завораживает своими красками, манит грибным ароматом, под редкими лучами солнца серебрится паутина с капельками росы, колетса под босыми ногами скошенная трава. Осень я сравниваю с закатом дня, года, как окончание очередного цикла. А затем наступает зима – царственная и величавая. И до самого Рождества она держит в ожидании чуда – нового и желаемого. Снежное убранство как бы пишет с чистого листа. Преображается природа. Снег переливается в солнечные морозные деньки драгоценными камнями. Тишиной сковывает лес... А затем возрождение природы с приходом весны - появление первых клейких листочков, щебет птиц и вдруг - запоздалый снегопад и звон сосулек, первые проталинки и первые подснежники. Черета пейзажей, в которых каждое звено - главное в большой цепи чудес её Величества Природы.

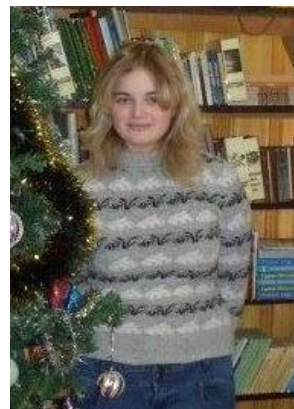
Татьяна Гнидина,
г. Старица

• Язык моей мамы

Мария Майко - ученица 9 класса школы №1. Она изучает диалектную лексику Андреапольского района, выступала на школьной научной конференции в 2011 году. В результате этой работы у неё родился рассказ-диалог с бабушкой.

Конечно же, сегодня такой диалог не мог бы состояться, потому что слова эти ушли из нашей разговорной речи. Даже старшее поколение ими не пользуется, но ещё помнит их. В Машинном тексте вы видите много диалектных и просторечных слов нашей местности. Ею составлен словарь говоров андреапольского края, который, возможно, продолжит словарь тверского журналиста В. Я. Кириллова, ранее публиковавшийся в нескольких номерах «Светлячка» под заголовком «Язык моей мамы».

Л. Смирнова,
учитель средней школы №1.

П О Г О М О Н И М

- Дедушка, поговори со мной.
- Какого *вира* тебе надо? Ну, давай *погомоним*.
- Почему наша улица называется Торопецкой?
- Так это была старая дорога на Торопец. Мы по ней *обыдёнком* скот на мясокомбинат гоняли.
- Неужели за один день справлялись?
- Да много чего успевали. Мать поднимет в 5 утра, в *нужник* по холодку сбежать. А в *суннице* уже *гуца* на столе стоит. Только что из печки. А рядом *пуляшка* с топлёным маслом. Поели и на работу.
- И это весь завтрак? А колбаса?
- Чу, ей богу. Не *чуди* ты! Не *умышляйся*. Наша обычная еда летом – *щи хлыщемои*, картошка *омляком* да *разварка*. Иногда мать *шульчинами* баловала. А *холодное* варили осенью, когда скотину закалывали.
- Ну, позавтракал, а дальше?
- Да круглый год работы хватало. Летом - сенокос. За целый день столько сена в *беремах* натаскаешься, *кыршина* болит, сил нету. Раньше так на здоровье внимания не обращали – *узерины*, *возгри* ничего страшного, всё заживало.
- А что машин не было?
- Ну ты *вычудила!* Главная машина – наши *заклюкушки*. Сколько за ними всего ношено. Но ты не думай, что всё так плохо было. Я таким *атукалом* рос! Бывало, вооружимся с друзьями *уручинами* и бежим в лес в *войнушку* играть. Набегаемся, *обабков*, ягод для дома насобираем. Вечером с *удилом* на речку ходим, *шалупони* всякой наловим, а повезёт, и щука попадётся. Зимой свои развлечения были. Мать *испоток* и *чунь* из овечьей шерсти навяжет, а батя валенок наваляет. И ногам и рукам тепло. Катайся с горок на *мерзлушках*, пока стемнеет. Ну да ладно, *загомонился* я с тобой. Поздно уже, *показдыляю* спать. *Бай-лю лодчоки*.

М. Майко

• **Мы помним вас**

В ЛЮБИМОМ АНДРЕАПОЛЬСКОМ КРАЮ

*Видишь – руки мои побелели,
И колотит меня на ветру.
Может быть, я в таком же апреле,
Как берёза, вздохну и умру.*

Говорят, поэты предчувствуют свою смерть, даты своего ухода. Галина Безрукова не любила апрель («в ненадёжном холодном апреле», «только нету к апрелю доверья»). В конце апреля она и погибла, возле своего дома - её сбила машина, выехавшая на тротуар.

Зато она любила октябрь, месяц своего рождения («мой месяц, мой самый желанный»). Это самое стихотворение, наполненное такой светлой радостью, она написала именно в нашем городе, упомянув его название («престольный мой град Андреаполь, осеннее царство моё»).

Она часто бывала в Андреаполе, дружила с доярками из совхоза «Спутник» сёстрами Соколовыми, нередко останавливалась у них во время своих приездов. Однажды, даже выступала на нашем «Светлячке». Не знаю точно, какие стихи написаны ею именно здесь, но, читая некоторые, узнаю, кажется, приметы наших мест («и у стриженных голых акаций до рассвета одной пробродить») – были такие акации, целая аллея тянулась по улице Советской вдоль несуществующего теперь кинотеатра «Двина». Гордиться можно, что её строками наш город вошёл в историю тверской литературы.

Но не только за это люблю Галину Безрукову. Она – часть моего душевного мира. Самый пронзительный в тверской литературе поэтический сборник «Светёлка» - моя настольная книга. Он так и лежит у кровати. Открываю его на ночь и перечитываю («найдёте – листайте, читайте») светлые строки женщины, прожившей короткую и непростую жизнь, но сохранившей ясную душу.

Мargarита Петрова

**Галина Аркадьевна
Безрукова
1948 – 1999**

* * *

Мелькание жёлтых жуланов
В промытом проёме окна.
Мой месяц, мой самый желанный.
Опять к октябрю я одна.

Движенья и мысли свободны.
Спокойны глаза и душа.
А в городе ветер холодный.
Но осень всегда хороша!

И руки засунув в карманы,
Куда-то иду наугад.
Мой маленький город желанный,
Мой месяц и мой листопад.

Моя желтогрудая птица,
Мой ясень на дальней горе.
И некуда мне торопиться,
Когда я живу в октябре.

Свеченье серебряных капель.
Пустынных садов забытьё.
Престольный мой град, Андреаполь,
Осеннее царство моё.

* * *

В листьях ясеня, тонких и старых,
Не остудишь горячего лба.
Беспольный, но чудный подарок
Ниспослала мне нынче судьба.

Эта встреча на что мне? За что мне?
Эта песня, наверное, зря.
Знаю, голос ваш скоро потонет
В сизых сумерках октября.

Не любить. Не ласкать. Не ласкаться.
А увидеть. Запомнить. Забыть.
И у стриженных голых акаций
До рассвета одной пробродить.

В этой встрече ведь я неповинна.
Неповинны в прощании Вы.
Всё прекрасно и непоправимо,
Как полёт полуночной листвы.

* * *

В палисаднике заледенел шиповник.
Из колодца не достать воды.
Предал самый преданный любовник.
Неоткуда больше ждать беды.

Лунный луч легко скользит по стенам,
И не надо зажигать огня.
Издавна привыкла я к изменам.
Сколько покинули меня!

Научившись быть бесслёзно гордой,
Я опять на дне дремучих зим
Со своей стоклятою свободой,
С тёмным одиночеством своим.

* * *

Твоя пленительная лесь
О грациях русоволосых.
И пальцы тянутся заплесть
Несуществующую косу.

Как сладко опьяняет ложь.
Сама себя порой обманешь.
И русой грацией живёшь,
Покуда в зеркало не глянешь.

* * *

В любимом андреапольском краю
Куда ни глянешь – всё моря льняные.
Любимому рубаху покрою,
Сошью и вышью. Смогут ли иные?

Голубенькие мелкие цветы
По вороту твоей косоворотки.
Как нынче льны нарядны и густы,
А ночи белошвейки так коротки...

Любимый мой, рубаху надевай.
На зависть получилася любому,
И – хочешь? – поплывём с тобой давай
По морю по льняному голубому.

* * *

- Зачем позвал меня сюда?
Есть и красивей города.
Как будто в мире есть одна
Такая речка, как Двина.
Подумаешь, у вас леса! –
Сердилась полных полчаса.

А после распахнув глаза,
Глядела долго в небеса.
Следила, как легки, светлы,
Листы срываются с ветлы.
Услышав чаек голоса,
Молчала полных полчаса.

Есть и красивей города.
Но я опять хочу туда.

* * *

Лето, какое весёлое лето!
Кружится, кружится голова.
Что мне чужие мудрость, советы,
Опыт чужой и людская молва.

Лето, какое чудесное лето!
Шмель ошалелый. Шиповника куст.
Юбка широкая синего цвета
И незрелой черёмухи вкус.

Лето, какое прекрасное лето!
Господи! Даже зацвёл суходол.
...Я убежала б с тобой на край света.
Доченька держится за подол.

* * *

Я долго и больно скиталась.
Я честно жила за троих.
И, может быть, радость осталась
В забытых тетрадах моих.

Найдёте – листайте, читайте,
Я тоже была молода.
Но только – молю – не пускайте
Меня вы туда.

(Продолжение, начало в №4).

Владимир Юринов

Корней

РАССКАЗ

– Да ладно... Ты мне вот что скажи – там, в лесу, у вас – палаточный лагерь? Или вы в какой брошенной деревне обитаете? И вообще, сколько вас всего?

– Нас было много. Нас были тысячи!.. – Суок опять унеслась в облака. – Ах, как это было здорово!

Как мы играли!..

– Почему «были»? А сейчас где?

Суок потухла.

– ...Все умерли... – она опустила голову. – Все... Я последняя.

– В смысле? – напрягся Корней.

– Когда в нимфу перестают верить – она умирает... Превращается в облако.

– А-а-а... Ну, это – ладно... – Корней выдохнул. – В облако, это – ещё ничего.

«Нам вот только массовых суицидов не хватает... В конце-то квартала... Хорошо – не наш район. Кстати, – озаботился Корней, – что за «нимфы» такие? Ничего про таких не слышал... Надо будет у Пашки проконсультироваться, он в этих молодёжных заморочках – дока...».

Они мчались по проспекту сквозь мигающие жёлтым, бессонные светофоры, мимо ярких, светящихся, кричащих, зазывающих реклам. Город жил своей обычной ночной жизнью: машин, как попутных, так и встречных, становилось всё больше, стали попадаться прохожие – по одному и парами, а на одном перекрёстке под разноцветной вспыхивающей вывеской «Парадиз» топталась, мерцая сигаретными огоньками, толпа человек в сорок; на тротуаре и проезжей части стояли припаркованные как попало автомобили, в основном – дорогие иномарки; на противоположной стороне улицы безучастно дремал синеватый милицкий «уазик». Корней сбросил скорость и осторожно объехал тусовку.

– Тебе лет-то сколько?

Суок равнодушно пожала плечами.

– Работаешь? Учишься?

Суок похлопала своими метровыми ресницами:

– Зачем?

«Вот блин! – восхитился Корней. – Себе, что ли, в "нимфы" податься? Стащить у Зинки ночнушку и бегать по лесу – яйцами звенеть... А тут одних незакрытых дел – тридцать с лишним. Мамай мне скоро голову за них оторвёт... И яйца заодно...».

– Родители где твои?

– Нет... Умерли... Давно.

– Извини... Друзья? Знакомые?

– Ты мой друг... Знакомый.

Корней вздохнул:

– Понятно...

«Понятно, что ничего не понятно... – Корней потёр лицо. – Что-то укатался я сегодня... Отгул что ли взять?.. А лучше – отпуск. Махнуть с Зинкой на Валдай. Щук поблеснить. Недельки на две. Пока пацаны в Крыму... Нет. Зинку не отпустят... А меня – тем более!.. А может путёвку взять? В санаторий. Отоспаться... Стоп!! Знаю!..»

– Знаю! – вслух возвестил он и даже рассмеялся. – Знаю куда тебя везти! Как я сразу не допёр?

Он выдернул из кармана «мобилу» и, поглядывая на дорогу, набрал номер. Толич ответил сразу, как будто ждал звонка с телефоном в руке:

– Здоров, Сапог! Чего не спишь?

– Здоров, Клистирная Трубка! Не разбудил?

– Нет. Дежурю.

– Так ты на работе! Замечательно! Слушай, Толич, у меня к тебе дело. На полмиллиона...

– Конечно... Дела у него!.. – привычно заворчал Толич. – Без делов он уже и не звонит... Нет, чтоб просто позвонить, сказать: «Саня, друг, а не пойтить ли нам в "Кронверк", пивка попить? Под угорька копчёного?». Как в старые добрые времена. Куда там!..

(продолжение на стр.9).

(начало на стр. 8).

– Толич, сейчас в «Кронверке» кружка «Хольстена» – пол моей зарплаты. Про угря я уже и не говорю... Могу тебя к себе пригласить. Полторашка «Балтики» тебя устроит?.. Под орешки?

– «Балтика» устроит, но к тебе не пойду. У меня с твоей Зинаидой Андреевной половая несовместимость.

– Какая-какая несовместимость?

– Э-э... идейная. Она мне всё развод со Светкой простить не может.

– Да дураки вы оба. Ты и Светка.

– Дураки... – легко согласился Толич. – Так ты чего хотел?

– Толич, у меня для тебя есть клиент.

– Опять? И кто на этот раз?

– Могу поспорить – у тебя такого ещё не было, – нимфа!

– Нимфа?

– Нимфа, – подтвердил Корней, покосившись на Суок. – С глазами... Несравненная.

– И где ты их берёшь? – вздохнул Толич.

– Работа такая... Ну так что?

– Ладно, привози... Только – к приёмному покою. А не к служебному ходу, как в прошлый раз. А то опять мне всю охрану на уши поставишь.

– Добро, еду. Минут через пять буду... Ты только там какой-нибудь халат приготовь. Или одеяло. Она у меня несколько не одета.

– Ого-о-о! – многозначительно протянул Толич.

– И ничего не «ого»!

– Значит – ага?..

– Сам ты – «ага»! Лепила хренов! Щас приеду – ты у меня попляшешь!

Толич заржал и отключился.

– Всё, едем, – оповестил Корней Суок и, притормозив, круто – с визгом шин, через двойную сплошную – раскрутился в обратном направлении.

– Куда?

– К другу... Тебе там будет хорошо.

Толич был давнишним приятелем Корнея. Они выросли в одном дворе, ходили в один детский сад, а потом учились в одном классе. После школы Толич поступил в Медицинский, а Корней, завалив экзамены в Технологический, загремел в армию, а оттуда подался в милицию. Вновь они встретились, когда обоим уже было за тридцать, долго дружили семьями, но после известных матримониальных катаклизмов в семье Толича дружба эта быстро сошла на нет. Тем не менее приятелями они с Толичем остались – грела их память о дворовом детстве, пара более поздних историй. Работал Толич в знаменитой «Пряжке», куда Корнею приходилось по долгу службы время от времени возить соответствующих «клиентов», начиная от «хитрожелтых» призывников и заканчивая буйными белогорячечниками. Несколько раз Толич серьёзно выручал Корнея, да и сам был обязан Корнею за помощь в паре весьма щекотливых ситуаций...

До «Пряжки» по полупустым улицам доскакали быстро.

– Ну вот, – сворачивая на набережную, сказал Корней, – считай, что приехали.

Толич ждал их на ярко освещённом крыльце приёмного покоя, покуривая и держа на сгибе руки какую-то свитку. Корней подрулил прямо к ступенькам.

– Ну что? И где? – поинтересовался Толич, пожимая Корнею ладонь своими мягкими докторскими пальцами.

– А во!.. – Корней театральным жестом распахнул дверцу и галантно предложил Суок руку.

Суок вышла из машины. Толич присвистнул. Корней – мысленно – тоже. В ярком свете ламп стало отчётливо видно, что Суок одета в короткую бледно-розовую тунику из лёгкой полупрозрачной материи, и что под туникой действительно больше ничего нет. Телу бы её позавидовала любая супермодель, да и лицо Суок, обрамлённое уже слегка подсохшими – с вороньим отливом – чёрными волосами, оказалось весьма милovidным. Впрочем, на лицо они особо не смотрели...

– Ну, ты даёшь!.. – только и нашел, что сказать Толич.

– Давай, принимай, а я завтра заеду – заполню всё, что надо... – Корней торопливо снял с руки Толича свитку, оказавшуюся выдавшим виды тёмно-коричневым фланелевым больничным халатом и накинул его на плечи Суок.

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 8 – 9).

– В смысле – сегодня? – уточнил Толич.

– А, ну да, уже сегодня... – Корней яростно потёр ладонями лицо. – Чёрт, день сегодня какой-то бесконечный, я просто с ног валюсь... Пару раз за рулём отключался, вот эту чуть не задавил, – он кивнул на Суок.

– Может таблеточку?.. – озаботился Толич.

– Иди ты! Знаю я твои таблеточки...

Толич заржал:

– Ладно-ладно. Давай – ездай... Горячий душ, сладкий чай, чистая постель – что ещё нужно, чтобы встретить старость?.. А я уж тут разберусь, – он приобнял Суок за плечи. – Ну что, милая, пойдём?

Суок обернулась к Корнею:

– Ты уезжаешь?

– Я приеду. Завтра... э-э... сегодня. Попозже.

– А я?

– А ты теперь с Толичем... м-м... с Александром Анатольевичем.

Суок молча смотрела на него.

– Иди-иди, – стараясь не встречаться с ней глазами, сказал Корней. – Здесь тебя не обидят... Александр Анатольевич любит нимф. Он всю жизнь в них верил.

– Правда? – Суок перенесла тяжёлую артиллерию своих глаз на Толича.

– Конечно правда!.. – Толич вновь завладел её плечами. – Пойдём, солнышко... – он легко, но настойчиво направлял Суок к дверям. – ...Помню – в детстве игрывал я на ковре «Хорасан», глядячи на гобелен «Нимфа», и думал: «Ах, нимфа! Где ты, нимфа? Отчего ты не идёшь ко мне?»... – он открыл перед Суок тугую стеклянную дверь, не переставая говорить, проскользнул в проём рядом с ней и повёл Суок по коридору, не убирая руки с её плеча и продолжая шевелить губами над её ухом.

Корней сквозь дверь смотрел, как они уходят вдвоём по крашеному весёленькой васильковой краской коридору, как мелькают под не по росту длинным халатом беззащитно-розовые пятки Суок, и почему-то чувствовал себя предателем. Он ещё раз прокрутил в голове все свои действия. Да нет, вроде всё правильно. Здесь – профессионалы. Они помогут. Да и он подъедет через несколько часов. Вот выспится и подъедет. Корней опять потёр лицо и двинулся к машине.

Налетевший холодный порыв ветра мимоходом распахнул ему куртку, взъерошил волосы и, нырнув через паранет, рябью побежал по электрически заискрившейся воде канала. Корней глянул вверх. Низких обложных туч уже не было. Неслись ещё над головой какие-то драные, неопрятного вида лохмотья, но в просветах между ними уже алмазно лучились чистые, до скрипа промытые звёзды. «Днём-то солнце будет...» – определил Корней и, запахнув куртку, торопливо забрался в тёплое нутро машины...

Он вошёл в квартиру, когда часы в прихожей показывали семь минут четвёртого. Повесив на крючок ветровку и скинув кроссовки, Корней устало прошлёпал в спальню и тяжело опустился на кровать. Да, командировочка-то оказалась непростой... Корней стащил с себя опостылевшую за день сбрую и, замотав ремни на кобуру, положил её на тумбочку. «Что-то я не сделал... – сидя на кровати и расстёгивая рубашку, вяло думал Корней. – ...Что-то я должен был ещё сделать... А! Да...». Он дотянулся до городского телефона, поставил его к себе на колени и, сняв трубку, набрал номер.

– Дежурный по отделению капитан Роговцев, – представилась трубка.

– Привет, Гриша. Суглоб.

– А, Михалыч... Случилось чего?

– Всё в порядке, Гриш... Слушай, Мамай утром появится, доложи ему, что я вернулся, что всё нормально, материалы я все привёз. Буду у него с докладом... – Корней прикинул – ...в четырнадцать часов.

– Хорошо, Михалыч, передам. Это ты только приехал?

– Вот, пять минут как...

– Сочувствую.

– Да ладно... Что там у нас?

– Да как обычно – дурдом... Пришёл циркуляр с новыми образцами оформления служебной документации. Мамай на совещании сказал, что у кого не будет соответствовать – он тому лично задницу на британский флаг порвёт.

– Это он может.

– Может, – подтвердил Роговцев.

– Ладно, Гриш, не забудь.

– Всё сделаю, Михалыч, не волнуйся... Отдыхай.

Корней положил трубку и с минуту сидел, пялясь в тёмноту, по инерции механически повторяя про себя: «Дурдом... Дурдом...». Розовые беззащитные пятки Суок вновь замелькали перед ним.

«Всё! К чёрту! – встряхнулся Корней. – В душ и спать. Утро вечера мудренее...».

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 8-10).

Он повесил рубашку на спинку стула, выбрался из джинсов и прошёл в ванную. Там, ставив с себя пропотевшее бельё, он скомкал и засунул его в корзину...

Вода была восхитительно горячей. Пока Корней топтался под душем, его не покидало ощущение, что он чего-то не сделал или сделал что-то не так. Какой-то полусонный червячок вяло шевелился у него в районе солнечного сплетения. «Чаю, что ли, попить?..» – вытираясь, прислушался к своему организму Корней. Организм чаю не хотел. Организм хотел спать. «И то верно, – согласился Корней. – Сколько ж можно?..». Он вернулся в спальню и с наслаждением забрался в чистую, чуть припахивающую лавандой, постель. «Ну, что там у нас?..» – Корней пощёлкал кнопками радиоприёмника в изголовье и выбрал «Радио Ностальжи». Крутили «Битлз». «Годится...» – решил Корней и, выключив свет, зарылся головой в подушку. «...Let it be, let it be, let it be, let it be. Yeah there will be an answer let it be...» – из далёких 60-х утешал его Пол Маккартни. «Пусть будет так...» – согласился с ним Корней и закрыл глаза. И сейчас же серым светящимся беспокойным пятном, выхваченным из черноты лучом фар, резво побежала на него дорога. Мягким приглушённым светом мерцали приборы. На панели чейнджера независимо приплясывали сиреневые столбики эквалайзера... Потом музыку сменил строгий, профессионально-трагический голос диктора: «Сегодня... В четыре часа утра... Неизвестно на каком году жизни... Скоропостижно скончалась последняя из нимф... Несравненная Суок...». Корней до белых костяшек сдвинул руль. Диктор продолжал говорить, а его голос уже захлёстывала, перекрывала врывающаяся, невыносимо-торжественная траурная музыка. Огромный оркестр, синхронно выбрасывая вверх смычки, беспрекословно повиновался тоненькой палочке в руке маленького, яростно встряхивающего серебристой гривой, неистового дирижёра. «Тру-ту-ту-ту!!» – как будто в предчувствии Судного дня взрывали трубы. «Блямс!!» – взрывообразно обрушивались лязгающей медью тарелки. «...Безвременно...» – (Блямс!!) – «...Невосполнимая утрата...» – (Тру-ту-ту-ту!!) – «... Искренние и глубокие соболезнования...» – (Блямс!!)... Неисчислимая толпа плотно запруживала гигантскую, уходящую за горизонт, необозримую площадь. Над тёмной, клубящейся, медленно колыхающейся массой людей кроваво-багровыми треугольными парусами медленно плыли тяжёлые полотнища склонённых бархатных знамён. Чёрными провалами ртов лопались белые неразличимые лица, но все звуки перекрывала, заглушала ревушая, размалывающая душу, нечеловечески-трагическая музыка. «Господи... – плотно сдвинутый со всех сторон и медленно, но неотвратимо куда-то движущийся вместе со всей толпой, шептал Корней. – Господи... За что?..». Он задыхался. Рвущиеся изнутри рыдания сотрясали его. Слезы стеклянно стекали из переполненных горячих глаз: из правого – юркой ящеркой – сразу в подушку, из левого – щечоча, через переносицу, срываясь и с тихими шлепками капая на пахнущую лавандой наволочку...

Корней вскинулся и сел. В комнате стояли густые пепельные сумерки. Глухо и часто бухало сердце. Пот – щекочущей струйкой – стекал между ключицами на грудь. Радио тихо, но неуместно наигрывало лёгкий джаз. Корней сбросил одеяло на пол и, обернувшись (на наволочке – тёмным пятном – отчётливо проступал мокрый след от его лица), стал лихорадочно шарить по тумбочке в поисках мобильного. «Господи... – шептал Корней, не попадая пальцем в кнопки. – Господи...». Выматывающе потянулись длинные гудки...

– Да...
 – Толич!! Толич!! Где она?! Что с ней?! Она как?! – захлебнулся вопросами Корней.
 – Ты чё, с дуба рухнул?! Чё ты орёшь?
 – Где она?! – Корней переглотнул. Во рту было горько и сухо.
 – Кто... она? – нарочито разделяя слова, спросил Толич.
 – Суок...
 – Нимфа твоя что ли?.. Господи! Только глаза завёл!.. Слушай, Михалыч, у меня в шесть тридцать – первый обход, мне спать осталось – всего ничего...
 – Толич, где она?!
 – Тут сам с вами скоро рехнёшься...
 – То-олич!!
 – Да спит твоя нимфа! Дрыхнет без задних ног.
 – Где?
 – В Караганде!.. В палате, где ж ещё?! Провели санобработку, отвели в палату, вкололи успокоительное. Всё! Спит и видит сны.

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 8-11).

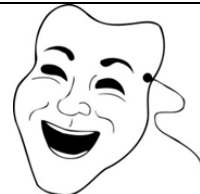
– Ты когда туда ходил?
 – Да никогда я туда не ходил! Сёстры на что? Всё сделали, мне позвонили. Всё нормально.
 – Толич, я тебя прошу! Сходи, посмотри – как она?
 – Да я лучше позвоню...
 – Нет, Толич, сходи сам.
 – Да что случилось то?!
 – Не знаю, Толич... Предчувствие у меня...
 – Предчувствие у него! А мне в другой корпус переться!
 – Ну Толич!..
 – Да ладно-ладно – схожу... Всё равно уже не заснуть... Что за народ? Звонят, дёргают... – уже в своей привычной манере забубнил Толич. Было слышно, как он заскрипел кушеткой.
 – Только сразу позвони мне, слышишь?! Сразу, Толич!
 – Хорошо-хорошо, позвоню... Вам, Киса, давно уже пора лечиться электричеством... На пару с вашей нимфой, – Толич захихикал.
 – Всё, Толич... Иди...
 – Да иду я, иду... О-хо-хо, грехи наши тяжкие... – закричал Толич и отключился.

Корней – с мобильником в руке – тяжело поднялся с кровати и, подойдя к окну, отдернул штору. Светало. Внизу, под окнами, ещё чернел неразличимыми кронами деревьев тихо дремлющий сквер, редкие машины по улице за сквером пронеслись, ещё шаря по асфальту бледно-жёлтым конусом включённых фар, но над пятиэтажками напротив, над их горбатыми, густо утыканными антеннами крышами, и дальше – над квадратными, узкими и глубокими, хранящими на своём дне нерастроченные остатки ночи, колодцами дворов, над простроченными фонарями, сверкающими рекламами, линейками улиц, над мостами и каналами, над всем этим, раскинувшимся на десятки километров, многомиллионным, глухим полусонным городом уже вовсю занимался, наливаясь изнутри тёплым цыплячим цветом, радостный розовощёкий рассвет. День, новый день торопливо вставал над насквозь промокшим, холодным мегаполисом. День обещал быть светлым и солнечным. Он собирался высушить и согреть пропитавшиеся дождевой влагой камни домов и улиц. Он щедро раздавал обещания и сам безоговорочно верил в них. Но он ещё не знал, что сам он – лишь тонкая прослойка в сэндвиче беспредельной ночи, что полдень – лишь краткий миг его величия, его жаркого триумфа, что тьма никуда не уходит – она лишь отступает на время. Она чутко дремлет в подвальных окнах, караулит в гулких подворотнях. Она беспощадна и коварна. Она терпеливо ждёт своего часа, и обмануть её или отсрочить её невозможно. А можно только честно и открыто прожить этот день, и этот, и следующий, и ещё один – много дней подряд, много светлых, солнечных, неповторимых, радостных дней...

Корней поднял голову – по белёсому, абсолютно чистому, щедро вымытому дождём и тщательно прометённому ветрами небу, ласково подсвеченное снизу ещё невидимым с земли, загоризонтным встающим солнцем, торопливо и одиноко бежало маленькое, взъерошено-пушистое, беспечное, светло-розовое облако...

В качестве иллюстраций использованы рисунки Нади Рушевой.

• Улыбнись Раньше было проще

Раньше было проще: я был маленький и ничего не понимал. А теперь большой и всё понимаю, и сказать могу. И скажу. Раньше было проще: люди знали, что говорить, слово имело вес, за него и посадить могли. А теперь говори, что хочешь. Шум, гам, гласность. Да кому ты нужен! Потому что раньше было проще – была власть Советов, а теперь – демократия с переходом к демонократии, потому что раньше рога обламывали, а теперь наставляют. Раньше было проще – государство заботилось о здоровье граждан. Бесплатное лечение и дешёвые лекарства. А теперь «за так» лечить не хотят, а заплатишь – до смерти залечат. Но зато бывает психотерапевтический эффект: вызвал скорую – не едут, вызвал ещё раз – не едут. А ну вас, проживём и без вас, и живём. Или вот зашёл в аптеку, посмотрел на цены – и исцелился.

Да, раньше было проще, над всяким производством – контроль ОТК, а теперь – как обвести лопуха. Товар часто производят подпольно. Ну что там можно произвести на карачках да при плохом освещении, разве воспроизводством заняться? Молодцы китайцы! И товар в гору! Раньше было проще: зайдёшь в магазин, а там три вида колбасы, а теперь в самом захолустном ларьке столько видов колбасы – потеряться можно. Если раньше в колбасу старались тайком добавить туалетную бумагу, то сейчас к туалетной бумаге вкус, цвет, запах мяса втемяшить. А ещё удивляются, как Бог из «ничего» Мир сотворил.

Да уж, раньше было проще, рекламы столько не было, а если где что написано (кроме заборов, конечно), то и есть. И в излишней рекламе не нуждалось. Бывало, едет машина, а на ней написано: «Осторожно. Люди». Так оно и есть. А теперь вон едет автобус, полный людей, а на нём крупными буквами: «Покупайте мебель – недорого». Или вон купил пельмени «Царские», съел и подумал: «Холоп я, холоп, лучше бы я их в пост ел!» И всё же мне одна реклама нравится: «Поститесь на здоровье!» Но это мне, я пощусь по убеждению, а кто по нужде? Тому насмешка.

Раньше проще было – я не постился, а теперь пощусь, потому что время постсоветское. А ещё раньше, ещё проще было – люди в Раю жили. И чего им не хватало?

В. Монахов,
г. Нелидово

Выходит 1 раз в месяц.

Бесплатно, в том числе в электронном варианте.

Подписано в печать 19.04.2012 года

СВЕТЛЯЧОК

Печатный орган литературного клуба «Светлячок» при Андреапольской ЦБС (директор Белякова Н.В.)

Ответственный за выпуск: Петрова М.А. (председатель литературного клуба «Светлячок»)

Технический редактор: Афанасьева Е.Н.

Тираж – 150 экз.

Адрес редакции: 172800

г. Андреаполь, пл. Ленина, д.1.

Электронный адрес: andkniga@andrapol.tver.ru

web-cait: andrapol.tverlib.ru